Научная статья
УДК 93/94 (47).083
DOI 10.46698/VNC.2026.32.33.001

Д.А. Дементьев

Религиозно-пропагандистский фундамент военного и государственного строительства в Имамате Шамиля

Дмитрий Алексеевич Дементьев
Военный университет, Научно-исследовательский центр (фундаментальных военно-исторических проблем), научный сотрудник, кандидат исторических наук, Москва, Россия, **argun.dm@gmail.com**

Аннотация. *Статья посвящена анализу становления и развития военно-теократического государства Шамиля – Имамата Дагестана и Чечни. Особое внимание автор уделил использованию положений исламского вероучения в качестве элементов пропаганды, предназначенной для мобилизации горцев на «священную войну» с Российской империей. Кроме того, в публикации рассматривается специфика кавказского мюридизма, его трансформации из религиозно-мистического объединения верующих в военно-политическую организацию.*
Ключевые слова: *имам Шамиль, пропаганда, информационно-психологическое воздействие, тарикат, мюридизм, Шариат, прокламация, мюршиды, вольное общество*
Для цитирования: *Дементьев Д.А. Религиозно-пропагандистский фундамент военного и государственного строительства в Имамате Шамиля // Вестник Владикавказского научного центра РАН. 2026. Т. 26. № 2. С. 29 –36. DOI 10.46698/VNC.2026.32.33.001*

Religious - propaganda foundations of military and state-building in Shamil's Imamate

Dmitry A. Dementyev
Military University, Research Center (Fundamental Military-Historical Problems), Researcher, PhD, Russia, Moscow, **argun.dm@gmail.com**

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the formation and development of the military theocratic state of Shamil– the Imamate of Dagestan and Chechnya. The author paid special attention to the use of the provisions of the Islamic faith as elements of propaganda intended to mobilize the highlanders for a "holy war" with the Russian Empire. In addition, the publication examines the specifics of Caucasian Muridism, its transformation from a religious and mystical association of believers into a military-political organization.*
Keywords: *Imam Shamil, propaganda, informational and psychological influence, tariqa, muridism, Sharia, proclamation, murshids, free communities.*
For citation: *Dementyev D.A. Religious-propaganda foundations of military and state-building in Shamil's Imamate // Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2026. T. 26. No. 2. P. 29 –36 . DOI 10.46698/VNC.2026.32.33.001*

Созданное Шамилем на территории Дагестана, Чечни и Черкесии военно-теократическое государство – Имамат – объединило различные горские племена Северного Кавказа в их противостоянии с Российской империей. В отличие от этнически однородных ханств Закавказья, в короткий срок разгромленных и упраздненных П.Д. Цицановым и А.П. Ермоловым несмотря на противодействие Персии, вольные общества Дагестана, тейпы[1] Чечни и «демократические»[2] черкесские племена на протяжении десятилетий упорно сопротивлялись под предводительством Шамиля и его наибов.

Ханские владения, которые довольно быстро трансформировались в провинции и губернии империи, на момент включения в состав России жили в условиях феодальных отношений, а горцы Северного Кавказа к созданию Имамата подошли в условиях родоплеменного строя и военной демократии [5, с. 160]. Идеологической основой государственного объединения вольных обществ послужил Ислам, фундаментом административной системы и военной организации – отработанная веками структура племенных ополчений, предназначенных для набегов с целью захвата военной добычи. Нападения на соседей были необходимым условием выживания, трофеи и работорговля составляли основу экономики горских обществ.

Документальные свидетельства этапов государственного и военного строительства в Имамате Да-

[1] *Тейп – территориальное и родоплеменное объединение чеченцев, которое идентифицирует себя общим происхождением.*
[2] *Адыгские племена разделялись на аристократические и демократические, в которых высшим органом власти было народное собрание.*

Рис. 1. **Имам Дагестана и Чечни Шамиль**

гестана и Чечни приводятся в VIII, IX, X и XII томах «Актов, собранных Кавказской археографической комиссией», фондах Российского государственного исторического архива, сборниках документов «Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX века», «Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов» и в «Сборнике сведений о кавказских горцах».

Религиозно-пропагандистская деятельность Шамиля отражается в публикациях полковника А.И. Руновского, состоявшего приставом при плененном имаме во время пребывания его в городе Калуге с 1859 по 1862 год, редактора газеты «Кавказ» Е.А. Вердеревского, декана факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета М.А. Казем-Бека, богослова П.А. Позднева, ученого-ориенталиста Н.О. Ханыкова. Историография становления и развития Имамата рассматривается в трудах выдающегося российского кавказоведа М.М. Блиева и советского исследователя Н.А. Смирнова.

Наиболее эффективным инструментом объединения горцев в единое государство стало информационно-психологическое воздействие с помощью средств и методов религиозно-политической пропаганды и агитации. Субъектом воздействия стало мусульманское духовенство, объектом – вольные общества и племенные союзы. Пропаганда заключалась в распространении политических взглядов с «целью их внедрения в общественное сознание и активизации массовой практической деятельности» [5А, с. 95–96], агитация – в постановке конкретных задач. На Кавказе распространялись идеи джихада[3] против русских, массовой практикой стали вооруженные выступления под исламистскими лозунгами. Мобилизация на священную войну производилась с помощью религиозной проповеди, письменных обращений и прокламаций, демонстрационных акций и слухов, в том числе дезинформирующего и ложного характера.

Для государственного строительства были задействованы две составных части исламского вероучения: Шариат, определяющий юридические и нравственные основы жизни мусульман, и тарикат как метод духовного совершенствования и познания Бога. Главные требования Шариата к верующим сводятся к признанию единства Бога и пророческой миссии Мухаммеда, обязательности молитвы, милостыни, поста и паломничества в Мекку. Тарикат как высшая ступень духовной добродетели реализуется неукоснительным исполнением предписаний Шариата и доступен только избранным (мюршидам), которые отказались от искушений мира и служат духовными наставниками для учеников-мюридов. Согласно канонам Ислама, пророки Адам, Авраам, Моисей, Иисус Христос и Мухаммед представляют пять степеней в духовном развитии человечества. Первые четыре символизируют нравственные идеалы прошлого и настоящего, Мухаммед – будущего. Мюрид под руководством мюршида должен по примеру пророков пройти соответствующие этапы отрешения от материальных интересов и морального совершенствования [6, с. 55–57].

Следует отметить, что мюридизм в его классическом понимании существовал на Кавказе со времен проникновения в регион Ислама. В фактор военно-политического порядка он трансформировался в процессе формирования Имамата, при этом его религиозно-нравственная составляющая перестала играть ведущую роль [11, с. 72–74].

В 1846 г. русский ориенталист Н.В. Ханыков сравнил особенности мюридизма в мусульманских странах Востока и на Северном Кавказе. По мнению ученого, характерной чертой кавказского мюридизма, определившей его использование для завоевания власти, стала обязанность учеников «свято выполнять» приказания наставников-мюршидов, которые передавали им исламские знания. В государствах с давней мусульманской традицией мюршиды не могли использовать свой авторитет в политических целях, т. к. количество мюридов у каждого оставалось незначительным из-за конкуренции богословских школ. Для горских обществ, религиозность которых в первой трети XIX в. была

[3] *Джихад – вооруженная борьба за распространение Ислама.*

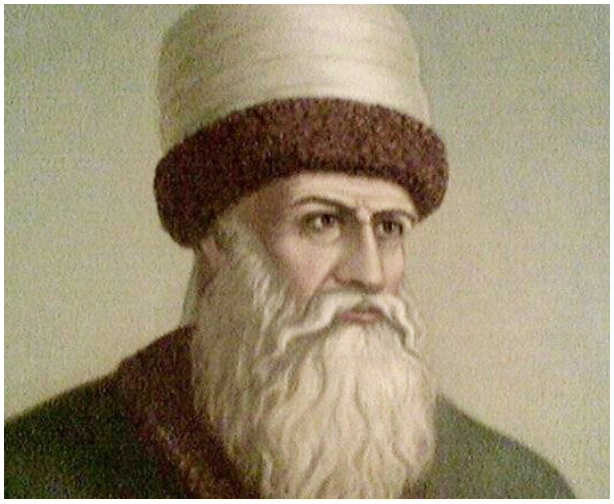

Рис. 2. **Мулла Магомед Ярагский**

поверхностной и сводилась к формальному соблюдению обрядов, Шамиль являлся одновременно политическим, военным и духовным лидером. В условиях войны забота имама о религиозном воспитании учеников отошла на второй план, главной обязанностью мюридов стало участие в священной войне с «неверными» русскими. Заимствованные у религиозных братств демократические начала позволяли предприимчивым и обладающим военными способностями ученикам подыматься по карьерной лестнице, не отрекаясь от мирских благ и не утруждая себя «знанием закона и решимостью воздержания от греха». В отличие от погруженных в молитвы отшельников Востока, мюриды Шамиля, «фанатики с воинственным характером», жили для «грабежа, внезапных набегов и добычи» [6, с. 58; 11, с. 73]. Таким образом, в результате совпадения интересов правителя-мюршида и подданных-мюридов образовалось государство, главная цель которого – война с Россией – трансформировала религиозно-нравственный характер объединения верующих в военно-политический [19]. Провозгласив «джихад» главным содержанием мюридизма, Шамиль использовал свое «духовное значение» мюршида для установления единоличной власти и удержания подданных «в слепом повиновении» [21, с. 132]. Утвердившись в качестве правителя, имам «оставил тарикат… занял у этого духовного учреждения форму для устройства нового своего государства» [11, с. 74].

На мюридов, которые составляли политическую и военную опору власти имама, были личной охраной правителя и проводниками его воли, возлагался контроль «за духом и умами народа и членов административного управления». В сражениях они служили наиболее надежными резервами и «будучи распределены по отрядам… следили за их стойкостью». Значительная часть мюридов расценивала обет повиновения как «легкое средство возвыситься над равными через угождение прихотям и властолюбию» мюршида [21, с. 133; с. 140–141; 6, с. 59]. В Имамате существовало различие между «мюридами по тарикату» и т. н. «наибскими мюридами». Первых Шамиль считал «лентяями, дармоедами и трусами», они изучали основы Ислама под руководством духовных лиц и стремились избегать грехов. Религиозные практики «наибских мюридов» ограничивались чтением Корана и «сознанием необходимости газавата», критериями отбора для этой категории служили годность к военной службе и слепое повиновение наибу, который зачастую обеспечивал их средствами к существованию, оружием и экипировкой. «Отсюда начало той храбрости… собачьей преданности, которую питали они к наибам», – отмечал А.И. Руновский. Далекие от духовной жизни «наибские мюриды» предназначались для «безотлагательного исполнения различных мер», продиктованных военным положением и этнической разнородностью Имамата [17, с. 362–363]. «В последователи тариката мог поступить всякий, имеющий склонность к тихой религиозной жизни… В число «наибских мюридов» … только человек, не имеющий физических недостатков и испытанный в храбрости», – отмечал П.А. Позднев [11, с. 75].

Крайне поверхностным знакомством с реалиями Кавказа можно объяснить попытки французских журналистов в Восточную войну 1853–1856 гг. приписать мюридизму черты суфийского аскетизма и «искренней ревности тарикату». Шамиль воспринимался европейцами как союзник в войне с Россией, а французская печать решала поставленную перед ней государственной властью информационно-пропагандистскую задачу [6, с. 58].

Специфика мюридизма определялась использованием религии для возбуждения ненависти как к русским, так и к лояльным имперской власти соплеменникам. Принципы функционирования административной системы были заимствованы из практики тариката с ее беспрекословным подчинением мюридов наставнику. Враждебность к России возводилась в степень религиозного догмата, важнейшим поклонением Богу и условием духовного совершенствования объявлялась война за веру. Наставник первого имама Гази-Магомеда мулла Магомед Ярагский считал соблюдение Шариата без участия в «джихаде» бесполезным для спасения души, поклонения и браки лояльных России мусульман этот идеолог кавказского мюридизма объявил недействительными. Шамиль призывал в проповедях: «Убивайте всех тех, которые не приняли Ислам… Истребляйте их… ибо подданство и уплата дани им противны Аллаху» [18, с. 141–142, 174–178]. В соответствии с задачами пропаганды текст обязательной молитвы для пятничного намаза звучал следующим образом: «Боже… помоги мусульманским воинам… помоги имаму Шамилю, наибам его и всем войскам его! Господи, сразись с гяурами… и обрати на них гнев Твой». Религиозные песнопения, с которыми мюриды шли в атаку, сочинялись лично Шамилем [9, с. 16; 8, с. 224]. Идеологическим обоснованием джихада служила абсолютизация текстов Корана, которые призыва-

ли «ратовать против неверных и богоотступников и быть жестоким к ним» (сура IX, ст. 74) и славили тех, «которые оставляют свое отечество и воюют на пути Божием» (сура VIII, ст. 72). [8, с. 187–188].

Восстание Дагестана и Чечни против русской власти было подготовлено проповедью войны с неверными как необходимого условия для утверждения Шариата на Кавказе [8, с. 204].

Имамат Шамиля унаследовал воинственность раннего Ислама и экспансионистскую идеологию завоевательных войн Арабского халифата VII–IX вв. [5, с. 162]. На это сходство обратил внимание главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютант Е.А. Головин. «Власть его получила характер власти духовно-военной… которою в начале исламизма меч Мухаммеда поколебал три части вселенной. Шамиль окружил себя слепыми исполнителями своей воли… Начальники суть рабы, непреклонные в верности и облеченные правом на жизнь и смерть», – докладывал генерал военному министру [2, с. 346].

Важной целью исламизации горских обществ стало религиозное обоснование неограниченной власти имама, который взял на себя функции правителя и высшего духовного лица [8, с. 204; 18, с. 227]. Необходимость единоначалия в условиях войны подчеркивалось в обращении Шамиля к горцам после гибели Гази-Магомеда: «Кто бы ни был предводитель мюридов, внушите народу повиноваться ему… Соединимся все против неверных… избрав одного для исполнения его воли» [8, с. 215]. Беспрекословное подчинение имаму «как верховному правителю и как предводителю в борьбе с неверными» стало прямым следствием зависимости молодого государства от его силовой составляющей [7, с. 412]. На пике своего военного могущества в 1845 г.[4] Шамиль обращался к черкесским племенам уже как повелитель всех мусульман Кавказа: «Не одолеют вас нечестивые, доколе вы свято будете сохранять правила исламской веры… Не давайте веры тем отступникам из среды вас, которые предпочитают неверных своим братьям». Схожие державные интонации звучали в послании к горцам Центрального Кавказа после неудачного похода в Кабарду в 1846 г.: «Верьте мне. Если вы истинные мусульмане… Если вы будете сомневаться в сказанном мною… навлечете на себя гнев Божий» [3, с. 418–419; 585].

В 1847 г. Шамиль провел своеобразный «плебисцит», предложив съезду наибов избрать на его место более достойного кандидата. Наибы отказались менять имама, подчеркнув в заявлении свою решимость продолжать войну: «Если проклятые… придут… дружно нападем на них… не будем желать оставаться в живых» [9, с. 15–16].

Рис. 3. **Молитва Шамиля перед боем. В конном строю муртазеки. Рубо Ф., 1896**

[4] *В июле 1845 г. Шамиль нанес поражение наместнику Кавказскому графу М.С. Воронцову во время Даргинской экспедиции. Русские вынуждены были отступить, не достигнув цели и потеряв 3,5 тысячи человек убитыми, раненными и пропавшими без вести.*

Эффективными пропагандистскими приемами, рассчитанными на сакрализацию власти Шамиля в глазах горцев, стали подражание пророку Мухаммеду и использование терминов из истории раннего Ислама. По замечанию П.А. Позднева, «всем функциям, учрежденным в своем государстве… Шамиль старался придавать религиозный характер» [11, с. 75].

Переселение из аула Гимры в Ашильты[5] в 1836 г. имам называл хиджрой[6], горцы, которые бежали от русских в Имамат, именовались мухаджирами[7], жители Ашильты – ансарами[8], приближенные Шамиля – асхабами[9], предводителю горцев был присвоен титул «амир-уль-мумин» (повелитель правоверных). Следуя примеру пророка, имам рассылал указания наибам на маленьких клочках бумаги [8, с. 217–218].

С согласия Шамиля распространялись слухи о его общении с Мухаммедом, который якобы являлся ему в виде голубя. Имам демонстрировал окружению свою религиозность, уделял много времени молитве и чтению священных книг, разработал специальный церемониал посещения мечети по пятницам. При принятии важных решений он уединялся и постился, после чего объявлял о полученном от пророка повелении продолжать войну и одобрении сделанного имамом выбора. Перед оглашением властных постановлений Шамиля авторитетные шейхи читали народу проповеди с призывами к джихаду и обещанием рая павшим за веру [21, с. 128–130].

Нетерпимостью к иноверию, категоричностью и жесткой риторикой в стиле раннего халифата отличались обращения Шамиля и его приближенных к горцам и российскому командованию. В 1836 г. имам под угрозой разорения призвал жителей селения Унцукуль соблюдать Шариат. [1, с. 601]. Для склонения к мятежу Анцуховского общества имам напомнил о «величайшей пользе» райского блаженства для погибших за веру и награде в виде трофейного «имущества проклятых Богом» в случае успеха. В обращениях к чеченцам Шамиль указывал на «святую» обязанность воевать с неверными «до конца жизни», грозил покарать за уклонение от джихада. «Вы забыли обязанность вашу по Шариату… вы пострадаете от меня… будете наказаны за невнимание к пользе для веры», – писал Шамиль [18, с. 177].

Угрожая Анкратльскому обществу разорением за отказ переселиться из русских владений, имам акцентировал внимание на своем праве «истреблять неверных и пользоваться имением непокорных и тех, которые не бегут [в Имамат] и… не будут вредить неверным» [20, с. 90–91].

Рис. 4. **Генерал от инфантерии Е.А. Головин**

В 1857 г., в связи с усилением давления русских войск, Шамиль приказывал наибам продолжать сопротивление, руководствуясь положением Корана о том, что «помощь бывает только от Бога». Призыв был подкреплен угрозой «отсекать головы тем, кои выкажут радость при появлении неверных» [9, с. 17].

В 1844 г. «Духовные особы, почетные лица и умные люди» вольных обществ Дагестана и Чечни обратились к командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенанту В.И. Гурко и командующему войсками в Северном Дагестане генерал-майору Ф.К. Клюки-фон-Клугенау с требованием очистить земли Имамата. Сподвижники Шамиля ссылались на долг «доказать верность свою смертью против неверных», клялись в преданности Шамилю и Шариату «всех благоверных мусульманских обществ», упоминали данную во имя Бога присягу драться с русскими [16, л. 4–12].

Для оказания выгодного информационно-психологического воздействия на подданных по указанию Шамиля фабриковались и распространялись фальшивые обращения от имени турецкого султа-

[5] В 1836 г. Шамиль перенес свою резиденцию из Гимров в Ашильты по требованию гимринцев, которые опасались повторного разорения аула. В 1832 г. аул Гимры был взят штурмом, в ходе которого был убит первый имам Гази-Магомед.
[6] Хиджра – переселение мусульманской общины пророка Мухаммеда из Мекки в Медину в 622 г.
[7] Мухаджиры – сподвижники пророка Мухаммеда, которые переселились из Мекки в Медину.
[8] Ансары – жители Медины, которые приняли пророка Мухаммеда и стали его сподвижниками.
[9] Асхабы – члены семьи пророка Мухаммеда и сподвижники, которые первыми уверовали в его миссию Посланника Аллаха.

на и египетского паши с обещаниями военной помощи. В одном из подложных писем Мехмет-Али-паши Египетского «ко всем ученым и важным лицам дагестанским» сообщалось о победах египтян над Англией, Францией, Германией и Грецией, а также о намерении паши напасть на Россию. «Ныне мои силы обращены против России, а потому, назначив Шамиль-эфенди вашим шахом… предписываю вам иметь к нему полное повиновение», – звучало в послании [15].

Идея изготовления фальшивок принадлежала приближенному Шамиля чеченцу Хаджи-Юсуфу, который долгое время служил чиновником в Турции. По возвращении на Кавказ он «шатался по аулам за Кубанью», выдавая себя за уполномоченного султана, где и попал в поле зрения имама [13]. Во время Крымской войны чеченец втайне от Шамиля передавал туркам информацию о государственном устройстве и военном потенциале Имамата [9, с. 6].

В обращении к горцам после похода в Кабарду Шамиль сообщал о поддержке Имамата «другими державами» [3, с. 585]. Следует отметить, что за всю Кавказскую войну султан лишь однажды прислал имаму знамя и медаль «с драгоценными каменьями» без какой-либо подписи и сопроводительных документов [7, с. 305–306].

Важным направлением идеологической работы было воспитание у подрастающего поколения ненависти к русским. Открытая по указанию правителя сеть учебных заведений готовила молодежь к джихаду, преподаватели-богословы утверждали, «что он [имам] наместник пророка и… воюет за истинного Бога и религию» [16, л. 1]. «Шамиль… при мечетях учредил школы. Мера эта весьма важна в политическом отношении. Наставники… выбраны из людей, преданных Шамилю, и дают благоприятное для него направление умам юношества», – докладывал прапорщик И.Д. Орбелиани после возвращения из горского плена[10] [14, л. 73–96].

Результатом целенаправленной религиозной пропаганды стала трансформация набеговой практики в священную войну за утверждение норм Шариата.

Таким образом, с одной стороны, наполнялось идеологическим содержанием традиционное занятие горцев – нападения на соседние общества и народы для получения добычи, с другой – Шариат использовался как средство преодоления этнической разобщенности (отряды разных племен соединялись в войско под единым командованием). С помощью положений Корана о постоянной войне с неверными Шамилю удалось превратить привычные грабежи и разбойные нападения в джихад во имя распространения и защиты Ислама [5, с. 163–164, 442–443].

Из среды наиболее удачливых предводителей набеговых партий[11] сформировалась военно-политическая элита Имамата – лично преданные Шамилю наибы[12], которым была делегирована неограниченная власть на местах [5, с. 464; 21, с. 135]. «Заместители», обязанные «без лицемерия» выполнять приказания имама, командовали войсками на управляемых территориях. Им предписывалось помогать соседним наибствам в случае нападения, «преодолевать сопротивление народа» при строительстве оборонительных рубежей, хранить секреты имама или других наибов, содержать беглых русских солдат и переселенцев-мухаджиров [17, с. 360; 9, с. 8–9, 14]. В военное время наибу помогали «частные начальники» – пятисотенные, сотники и десятники, которых он назначал из числа родственников и приближенных [4, с. 1443].

«Заместители» Шамиля не могли самостоятельно осуществлять наступательные действия и принимать новые законы, в остальных сферах управления они пользовались полной свободой, «творили суд и расправу… все, касавшееся безопасности и благосостояния вверенного им края… подлежало их ответственности» [4, с. 1443]. Являясь светскими чиновниками, наибы контролировали духовную власть, утверждали решения муфтиев и кадиев[13], которые несли воинскую повинность и подчинялись «заместителям» как военачальникам. «Если не будут сражаться руками, то пусть сражаются языками: наставляют, предостерегают, побуждают», – предписывал духовенству Шамиль [5, с. 468, 476]. Наибы не получали жалованья, им предназначались «добровольные приношения» жителей и часть конфискованного имущества преступников. Наибам разрешалось отдавать на разграбление войску непокорные аулы во время карательных экспедиций [9, с. 9]. «Заместители» активно использовали нормативную насыщенность Корана и Сунны, а также отсутствие исламских знаний у рядовых общинников для произвольного толкования и избирательного применения с выгодой для себя положений Шариата [5, с. 442–444].

Шамиль снисходительно смотрел на присвоение «заместителями» денежных штрафов, предназначенных для пополнения казны [4, с. 1477]. Лояльное отношение к злоупотреблениям наибов объяснялось приоритетным характером задач военного строительства и обороны. О зависимости имама от «преданных ему из личных интересов» соратников свидетельствует трансформация высшего законодательного органа Имамата от совета представителей духовенства к съезду наибов [21, с. 128; 5, с. 459]. Иллюстрацией широких материальных возможностей наибской власти может служить переход на сторону Шамиля генерал-майора

[10] Прапорщик И.Д. Орбелиани в 1842 г. 7 месяцев пробыл в плену у Шамиля.

[11] Словом «партия» в русских документах XIX в. обозначались формирования горцев, предназначенные для набегов.

[12] «Наиб» в переводе с арабского означает «заместитель».

[13] Муфтий – духовное лицо, наделенное правом выносить решения по религиозно-юридическим вопросам, давать разъяснения по применению норм Шариата, кадий – судья, который вершит правосудие на основе Шариата.

Русской Императорской Армии султана Элисуйского Даниель-бека. Ради должности «заместителя» Даниэль-бек пожертвовал генеральским жалованьем и доходами султаната [5, с. 464].

Наряду с убеждением и религиозной пропагандой Шамиль широко практиковал метод устрашения для обеспечения покорности аулов, которые сопротивлялись введению Шариата и отказывались воевать с русскими. В июле 1836 г. в наказание за неприятие власти имама была разорена койсубулинская[14] деревня Херадерх [20, с. 78]. По свидетельству М.А. Казем-Бека, начиная с 1840 г. Шамиль единолично принимал решения «жечь и истреблять целые аулы, жители которых в чем-нибудь ему изменяли или не принимали его давата[15]» [8, с. 220]. В 1841 г. после карательной экспедиции против селения Чир-юрт, в ходе которой был убит 41 человек, а 148 женщин и детей пропали без вести, Шамиль с помощью Шариата аргументировал свое право наказывать нелояльных мусульман [5, с. 397].

В 1844 г. отряд мюридов-андийцев[16] вырезал чеченское селение Центорой и хутор Гордали за убийство наиба Шуаиб-Муллы[17], которого имам перед этим назначил «начальником всей Чечни» [2, с. 881]. Аул Чох был взят штурмом и разорен зимой 1847–1848 гг. за верность России и участие жителей в экспедициях против мюридов. Перед нападением имам обвинил чохцев в содействии «народу [русским], с которым Бог Всевышний повелел нам воевать». Разорение Чоха деморализовало горцев Табасарани, Каракайтага и других замиренных обществ, которые просили имама «осчастливить их принятием в число мухаджиров» и освободить от русской власти [8, с. 220–221; 238].

Для пресечения недовольства Шамиль зачастую использовал враждебно настроенные к ослушникам племена, которые «в надежде на добычу или в видах удовлетворения мести усердно исполняют волю имама» [21, с. 136]. В ответ на крупные возмущения производились «экзекуции», в ходе которых казнили зачинщиков и расселяли мятежные аулы по разным обществам. В Чечне «экзекуции» производились регулярно в ответ на массовое уклонение от воинской повинности, карательные отряды при этом формировались из дагестанцев [17, с. 340–341].

В качестве дополнительного инструмента идеологического контроля были сформированы отряды муртазеков[18], которые совмещали функции «преторианской гвардии» и политической полиции. Главной их задачей было пресечение недовольства и надзор за соблюдением Шариата «в деревнях, не заслуживающих еще полного доверия». По степени лояльности имам делил наибства на «верные» и «неверные», последние (например, Андия и Гумбет) контролировались с помощью муртазеков и облагались особыми налогами. В отличие от мюридов и ополченцев «преторианцы» получали содержание деньгами и продуктами, принадлежащие им земельные участки обрабатывали соседи [20, с. 218].

По утверждению Ф.К. Клюки-фон-Клугенау, Шамиль создал привилегированное военное сословие с целью «привязать к себе некоторое число горцев, которые всегда были бы готовы жертвовать своей жизнью». Расквартированные в наибствах муртазеки не подчинялись местной власти и участвовали в боях отдельно от наибских отрядов. Дагестанские «преторианцы» охраняли Шамиля в Чечне, чеченские – в Дагестане [12; 5, с. 479–482].

Исходя из военной и политической целесообразности Шамиль зачастую произвольно трактовал и дополнял положения Шариата [18, с. 145]. Например, с целью «отвратить горцев от занятий, подробности которых могли иметь гибельное влияние на ход войны», были серьезно ужесточены наказания за употребление алкоголя, табака, танцы и музыку [17, с. 384–385]. Смертная казнь применялась значительно чаще, чем предписывалось Шариатом. Приговоры исполнялись мюридами, которым доставалась одежда казненных. В первую очередь, смертью каралось наиболее тяжкое преступление – «измена народу» в форме перехода на сторону русских или шпионажа [21, с. 139, 156].

Заслуживает внимания попытка российского командования противодействовать пропаганде Шамиля с привлечением Сулеймана-эфенди Мустафинова, который в 1845–1846 гг. был наибом Черкесии. После перехода на сторону русских сподвижник имама опубликовал «Описание поступков Шамиля, противных мусульманскому Шариату» с ссылками на нарушение конкретных положений Корана и Сунны. По его утверждению, имам недостаточно строго следил за соблюдением обязательных религиозных обрядов, в частности коллективной молитвы по пятницам, приказывал убивать мусульман без весомых оснований, «по одной лишь клевете». В упрек Шамилю ставились обязанность родственников беглых преступников возмещать потерпевшим ущерб от краж и изъятие имущества умерших наибов в казну Имамата.

Сулейман-эфенди считал нарушением Шариата разорение лояльных русским аулов и вынесение смертных приговоров без одобрения духовенства. Война против России был охарактеризована как «нарушение главного условия тариката», Шамиль назван самозванцем и узурпатором, т. к. «эмир, которому мусульмане должны повиноваться, должен происходить из рода Курейшов[19]». «В первые времена своего появления [Шамиль] действовал только проповедями и наставлениями, а теперь

[14] Койсубулинцы – жители дагестанских ущелий, образуемых реками Аварское Койсу и Андийское Койсу.
[15] Дават (араб.) – проповедь с призывом принять Ислам.
[16] Андийцы – народность, проживающая на северо-западе Дагестана
[17] Шуаиб-Мулла – приближенный Шамиля, наиб Мичиковский, убит жителями аула Центорой
[18] «Муртазикун» в переводе с арабского означает «наемный воин»
[19] Курейшиты – обитавшее в районе Мекки племя древней Аравии, из которого произошел пророк Мухаммед и все праведные халифы.

угрозами и внушением страха», – утверждал Сулейман-эфенди [10].

Главной причиной успешного военного и государственного строительства в Имамате стала настойчивость и последовательность Шамиля в насаждении норм Шариата [17, с. 329]. Оставаясь, в первую очередь, светским правителем и военачальником, он сумел использовать юридические и моральные нормы Ислама «для обуздания непривыкшего к власти народа и утверждения своего личного могущества» [21, с. 135]. Мюридизм с его беспрекословным подчинением ученика духовному наставнику представлял из себя орудие для преодоления этнической разобщенности верующих и их радикализации. Исламское духовенство, которое в значительной степени определяло политическую повестку в горских общинах, не могло «не подстрекать в голодных фанатиках ненависти к окружающим их иноверцам» [8, с. 201–203].

Результатом усилий Шамиля стало государственное объединение для войны с Россией различных горских племен, общими чертами менталитета которых, по выражению А.И. Руновского, были «кровожадность, необузданное своеволие и дикая невежественность». При этом имаму с помощью религиозной пропаганды и насилия удалось направить подданных «к одной цели, не взирая на сильное с их же стороны противодействие» [17, с. 327].

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. VIII. Тифлис: Типография Главного управления Наместника Кавказского, 1881. 1009 с.

2. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. IX. Типография канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе. – Тифлис, 1884. 1013 с.

3. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. X. – Тифлис: Типография Главного управления Наместника Кавказского. 1885, 938 с.

4. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. XII. – Тифлис: Типография Главного управления Наместника Кавказского, 1904. 1556 с.

5. Блиев М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. «Мысль». – М.: Москва, 2004. 877 с.

5А. Большая Советская Энциклопедия (в 30 томах). Т. 21. Изд. 3-е. – М.: «Советская Энциклопедия», 1975. С. 95–96.

6. Вердеревский Е.А. Краткие сведения о биографии Шамиля и распространении на Кавказе мюридизма // Плен у Шамиля. Приложение пятое. – Санкт-Петербург: Тип. Королева и К°, 1856. С. 49–60.

7. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX века. Сборник документов. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1959. 787 с.

8. Казем-Бек М.А. Русское слово. 1859. Декабрь. – Санкт-Петербург: Типография Рюмина и Коми, 1859. С. 182–242.

9. Низам Шамиля (материалы для истории Дагестана). С. 2–18 // Сборник сведений о кавказских горцах. Издание Кавказского горского управления. Выпуск III. – Тифлис: Типография Главного управления Наместника Кавказского, 1870. 371 с.

10. Описание поступков Шамиля, противных мусульманскому Шариату, которые были замечены Сулейман-Эфендием во время его нахождения при нем. // Кавказ. Газета политическая и литературная. № 5. 1 февраля 1847. С. 18–19.

11. Позднев Петр Алексеевич. Дервиши в мусульманском мире. – Оренбург: тип. Б. Бреслина, 1886. 336 с.

12. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) Ф. ВУА, Д. 6468. Л. 12–18.

13. РГВИА Ф. ВУА, Д. 6468. Л. 19–32.

14. РГВИА Ф. ВУА, Д. 6478. Л. 73–96.

15. РГВИА Ф. ВУА, Д. 6535. Л. 6

16. РГВИА Ф. ВУА, Д. 6563. Л. 1, 4¬–5, 6–7, 8–9, 12

17. Руновский А. Кодекс Шамиля // Военный сборник. Неофициальная часть. 1862. № 2. С. 327–386.

18. Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1963. 242 с.

19. Ханыков Н. О мюридах и мюридизме // «Кавказ». Газета политическая и литературная. № 15, 12 апреля 1847. С. 58–60.

20. Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов: Сборник докум. материалов / Архивное упр. МВД Груз. ССР. – Тбилиси: Госиздат Груз. ССР, 1953. 557 с.

21. Шамиль и Чечня // Военный сборник. Неофициальная часть. 1859, т. IX, № 9. – Санкт-Петербург, 1859. С. 121–184.

EFERENCES

1. Akty, sobrannye Kavkazskoyu arheograficheskoyu komissieyu. T. VIII. Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1881. 1009 s.

2. Akty, sobrannye Kavkazskoyu arheograficheskoyu komissieyu. T. IX. Tipografiya kancelyarii Glavnonachal'stvuyushchego grazhdanskoyu chast'yu na Kavkaze. – Tiflis, 1884. 1013 s.

3. Akty, sobrannye Kavkazskoyu arheograficheskoyu komissieyu. T. X. – Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo. 1885, 938 s.

4. Akty, sobrannye Kavkazskoyu arheograficheskoyu komissieyu. T. XII. – Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1904. 1556 s.

5. Bliev M. Rossiya i gorcy Bol'shogo Kavkaza. Na puti k civilizacii. «Mysl'». – M.: Moskva, 2004. 877 s.

5A. Bol'shaya Sovetskaya Ehnciklopediya (v 30 tomah). T. 21. Izd. 3-e. – M.: «Sovetskaya Ehnciklopediya», 1975. S. 95–96.

6. Verderevskij E.A. Kratkie svedeniya o biografii Shamilya i rasprostranenii na Kavkaze myuridizma // Plen u Shamilya. Prilozhenie pyatoe. – Sankt-Peterburg: Tip. Koroleva i K°, 1856. S. 49–60.

7. Dvizhenie gorcev Severo-Vostochnogo Kavkaza v 20–50 gg. XIX veka. Sbornik dokumentov. – Mahachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959. 787 s.

8. Kazem-Bek M.A. Russkoe slovo. 1859. Dekabr'. – Sankt-Peterburg: Tipografiya Ryumina i Komi, 1859. S. 182–242.

9. Nizam Shamilya (materialy dlya istorii Dagestana). S. 2–18 // Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah. Izdanie Kavkazskogo gorskogo upravleniya. Vypusk III. – Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1870. 371 s.

10. Opisanie postupkov Shamilya, protivnyh musul'manskomu Shariatu, kotorye byli zamecheny Sulejman-Ehfendiem vo vremya ego nahozhdeniya pri nem. // Kavkaz. Gazeta politicheskaya i literaturnaya. № 5. 1 fevralya 1847. S. 18–19.

11. Pozdnev Petr Alekseevich. Dervishi v musul'manskom mire. – Orenburg: tip. B. Breslina, 1886. 336 s.

12. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (RGVIA) F. VUA, D. 6468. L. 12–18.

13. RGVIA F. VUA, D. 6468. L. 19–32.

14. RGVIA F. VUA, D. 6478. L. 73–96.

15. RGVIA F. VUA, D. 6535. L. 6

16. RGVIA F. VUA, D. 6563. L. 1, 4¬–5, 6–7, 8–9, 12

17. Runovskij A. Kodeks Shamilya // Voennyj sbornik. Neoficial'naya chast'. 1862. № 2. S. 327–386.

18. Smirnov N.A. Myuridizm na Kavkaze. – Moskva: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1963. 242 s.

19. Hanykov N. O myuridah i myuridizme // «Kavkaz». Gazeta politicheskaya i literaturnaya. № 15, 12 aprelya 1847. S. 58–60.

20. Shamil' – stavlennik sultanskoj Turcii i anglijskih kolonizatorov: Sbornik dokum. materialov / Arhivnoe upr. MVD Gruz. SSR. – Tbilisi: Gosizdat Gruz. SSR, 1953. 557 s.

21. Shamil' i Chechnya // Voennyj sbornik. Neoficial'naya chast'. 1859, t. IX, № 9. – Sankt-Peterburg, 1859. S. 121–184.